

Данута Шимоник

Единство жизни и творчества: феномен Александра Куприна

В последнее время всё чаще и чаще раздаются голоса, оповещающие о кризисном состоянии гуманитарных наук. Подобного рода отзывы касаются в частности литературы и литературоведения, в том числе и русистики. В конце XX века литература, имевшая когда-то статус «ценности высшего разряда» – пишет Михаил Берг, ссылаясь на формулу Жан-Поля Сартра – утратила своё прежнее положение, подверглась девальвации и перестала быть синонимом культуры, потерялись также такие ценности, как сакральное отношение к слову и особый статус писателя как властителя дум и пророка.

Одним из свидетельств утраты литературой своего прежнего положения исследователь считает падение тиражей «толстых» литературных ежемесячников (Берг 2000).

Со снижением статуса литературы связана и девальвация филологии; за её счёт повышается социальный статус таких научных дисциплин, как социология, психология, политология, функции которых были присвоены литературой (Берг 2000).

Результатом кризисного состояния филологических наук являются программные и часовые ограничения, вытекающие из министерских директив и распоряжений, как и насущной необходимости изменения профилей образования. Прагматизм профессии русиста направлен сегодня скорее на лингвистику (например, русский язык в бизнесе, лингвистическая транслатология и др.), нежели на литературоведение. Кроме того, в связи с постоянно увеличивающимся количеством разных интернет-порталов, повышением веса СМИ, видео и аудио-культуры в Европе (и не только в Европе), падает интерес к чтению художественной литературы, также среди учеников и студентов, и даже студентов-филологов. Такая ситуация принуждает к профессиональной саморефлексии. Сообщество филологов-литературоведов, осознавая необходимость выжить в постоянно меняющихся рыночных условиях, ищет путей стабилизации для своей дисциплины. Одним из способов выживания, а также попыток сохранения прежнего статуса литературы, а вместе с ней и упрочнения позиции литературоведа, является популяризация литературы на разных уровнях: от литературных конкурсов, вечеров и встреч до литературных сообществ, от книжных ярмарок до литературных призов и премий. В защиту статуса литературы, как важного социального института, выступают социологи, выражая свою неудовлетворённость по поводу некоторого снижения роли литературного творчества (Лев Гудков, Борис Дубин, Ежи Франчек). Проблема кризиса литературоцентризма и возможности его преодоления стали предметом большой работы, редактируемой Натальей Ковтун (Ковтун 2014).

Выше сформулированный диагноз не исключает другого рода тенденций и явлений отмечаемых в современной литературоведческой русистике. Имеется в виду постепенный возврат к классической литературе и её реинтерпретации, а также к классическому литературоведению. Открываются новые страницы жизни и новые ракурсы творческой деятельности писателей-классиков и признанных учёных (Михаил Бахтин, Дмитрий Лихачев, Юрий Лотман и др.).

В настоящей статье исходным моментом для подобных размышлений мы избрали феномен Александра Куприна (1870-1938), писателя в своё время очень популярного. Нужно отметить, что в дореволюционное время Куприн был автором более читаемым, чем многие современные ему писатели, такие например, как будущий лауреат Нобелевской премии Иван Бунин (Михайлов 1973: 84, 8), не говоря уже о других авторах. К примеру: факт особой популярности Куприна, а также Леонида Андреева подчёркивает прозаик и литературный критик Евгений Шкловский. В статье «На сломе эпох: А. Куприн и Л. Андреев» Шкловский пишет:

Два этих имени – Александр Куприн и Леонид Андреев – в начале XX века считались едва ли не самыми громкими. (...) они были и властителями дум, и законодателями литературной моды в ту памятную эпоху, когда расцвет русского искусства, известный ныне, как „серебряный век“, подарил миру столько славных имён и художественных открытий (Шкловский 2001).

Трудно полностью согласиться с тезисом, что Куприн был «законодателем» тогдашней литературной моды, но несомненно был известным, читаемым и любимым писателем. Ценил его корифей русской литературы Лев Толстой, который «любил» Куприна

за животную силу и чувствительность, за сентиментальность, за увлекательность рассказа, за свежесть взгляда, за радость и наслаждение, передающиеся читателю – а наслаждается он всем, и

собственной силой, и бесконечным богатством мира, и мускульной человеческой мощью, и силой ветра, и всеми запахами. Куприн – школа такого страстного аппетита и любопытства к жизни, что его стоило бы приписывать при депрессии. Толстой его читал семье вслух – этот обычай старинных русских семейств в Ясной Поляне и Хамовниках соблюдался свято – не пропускал по возможности его мелких вещей и нетерпеливо ожидал крупных, делал пометки, отзывался в письмах (Быков 2012).

Не удивительно, ведь Куприн был «полнокровным» учеником Толстого, продолжал «толстовскую линию счастья и полноты бытия» (Быков 2012), обожал повесть «Казачьи» и множество раз её перечитывал. Своё восхищение толстовской прозой «передал» большому любителю чтения, отцу Олимпию – герою рассказа «Анафема» (1913). Именно после прочтения «Казачьих» вместо приказанной Синодом анафемы, Олимпий пропел Толстому своим мощным, вдохновительным и сверхъестественным голосом «Многая ле-е-е та-а-а-а».

И вместо того чтобы по обряду анафемствования опустить свечу вниз, он высоко поднял её вверх» (Куприн 1958: 4, 663).

Несмотря на большую популярность, Куприн довольно поздно оказался в поле зрения литературоведческой русистики. Был писателем неудобным, как в царской России (автор «Поединка» примыкал к антиправительственному литературному лагерю), так и для советской власти, в силу того, что в конце октября 1919 года, в обзоре разбитой Северо-Западной армии Юденича покинул Россию. Обосновавшись во Франции, стал «яростным антибольшевистским публицистом» (Фигурнова 2006, 16).

Куприн тяготился вынужденным занятием публицистикой, которую считал «мучительной и неблагородной литературной подёнщиной». Однако друзья и соотечественники поддерживали его и оценивали публицистический труд писателя (Саша Чёрный, Владимир Гущик). Как пишет Ольга Фигурнова: «современники, близко знавшие писателя, отмечали в нём редкий дар бессознательного провидчества, ранее связывавшегося в русской литературе с именем Пушкина, Гоголя и Достоевского» (Фигурнова 2006, 17). Исследовательница приводит знаменательную фразу из фельетона «Ориентация»: «Оправившись от большевизма, выработав в крови стойкий иммунитет, Россия уже никогда не свернёт на путь коммунистических утопий...» (Куприн 2006, 184). Зарубежные рассказы, очерки, фельетоны, статьи, литературные портреты, некрологи, заметки, интервью и анкеты вошли в одно из новейших изданий Куприна под заглавием «Хроника событий. Глазами белого офицера, писателя, журналиста» (Куприн 2006). Представленный в книге богатый и разнородный материал, как и другие неопубликованные источники на тему зарубежной жизни писателя, тесно сплетающейся с судьбами других авторов-эмигрантов, составляют невосделанное поле для современного русиста. Новые публикации противоречат тезису, что в зарубежье талант Куприна иссяк, а его эмигрантская деятельность не заслуживает внимания. На самом деле, не только то, что создавалось в эмиграции, но также и то, что было создано на родине, обходилось молчанием по указанным выше причинам.

Первые монографии появились только после смерти Сталина, несмотря на то, что писатель умер в 1938 году. Эти монографии имели в основном биографическо-очерковой характер (вспомним монографии Павла Беркова, 1956; Владимира Афанасьева, 1960 (2-ое изд. – 1972 год); Фёдора Кулешова, 1963 (2-ое изд. – 1981 год); Анатолия Волкова, 1971; Лидии Крутиковой, 1971; Николая Люкера, 1972; Олега Михайлова, 1981; Ирины Каштановой, 1981. Их авторы старались представить творчество писателя в русле основных тенденций советского литературоведения. Литературоведы удостаивали вниманием прежде всего такие вопросы, как: 1) социальные конфликты в русском обществе; 2) критика жизни в дореволюционной России (для советского литературоведения было выгодно изображать дореволюционное прошлое в отрицательном свете); 3) трагедия маленького незащитного человека; 4) вечные проблемы любви и искусства, с учётом их социальной подоплёки.

Ситуация с куприноведением изменилась в начале 80-х годов, когда писатели-реалисты, а среди них и Куприн, продолжавшие традиции великих классиков, оставались на обочине литературоведческой рефлексии, так как сначала в европейской, а затем и российской русистике ведущую позицию занимали труды по теории и практике русского модернизма и авангарда, в частности работы, посвящённые символизму и связанным с ним оккультным и эзотерическим мотивам (Ааге Ханзен-Лёве, Леонид Геллер, Генрих Баран, Лазарь Флейшман, Райнер Гольдт, Ефим Эткинд, Николай Богомолов, Александр Лавров, Моника Жечицка, Мария Цимборска-Лебода, Изабелла Малей), работы на тему философии и философов серебряного века (Николай Бердяев, Владимир Соловьёв, Лев Шестов, Семён Франк и др.).

Куприноведение не стало заметной тенденцией и на следующем этапе развития русистики (я имею в виду период, отмеченный появлением постмодернистского дискурса и деконструкции).

Сегодня задача реинтерпретации творчества Куприна остаётся насущной, несмотря на огромную проблему, связанную с полным изданием архивных документов писателя, прежде всего переписки, освещающей эмигрантский период жизни (некоторые односторонние сведения содержат автобиографическая книга Нины Берберовой «Курсив мой» и беллетризованный роман-хроника Валентина Лаврова «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920-1953)», в которых даётся, хотя и далеко не полный, но всё же довольно отчётливый образ русской литературной среды во Франции.

В связи с вышесказанным подчеркнём, что в последнее время растёт интерес издателей и литературоведов к эго-документу: мемуарам, письмам, воспоминаниям, биографиям и автобиографиям писателей (пример – цикл варшавских конференций, организованных профессорами Алицией Володько-Буткевич и Людмилой Луцевич). В этом плане интересен и Куприн, не только как автор воспоминаний, писем, заметок, но и как литератор, дающий интервью и участвующий в проводимых разными институтами анкетах. Везде он выступает как живая и полнокровная личность, поражающая своей энергетикой и неравнодушием к окружающему. С удивительным увлечением он живописал и своих героев. Может быть поэтому его творчеством заинтересовались создатели кино. В 2014 году на российском телевидении демонстрировались сериалы «Куприн. Яма» (режиссёр Влад Фурман), «Куприн. Впотьмах» (режиссёр Андрей Эшпай) и «Поединок» (Андрей Малюков). «Каждый из трёх фильмов включает в себя одну повесть и несколько рассказов – говорит продюсер фильмов Денис Евстигнеев – мы этими фильмами охватываем почти всё творчество Куприна» (Грачев 2014). Жизненную основу придаёт фильмам актёрское присутствие автора, который «лично знаком» и общается со своими героями. Роль Куприна исполнял Михаил Пореченков. Зрители, как часто бывает, отнеслись к экранизациям по-разному, но большинство из них признаётся, что они восхищаются прозой автора и с большим удовольствием читают его произведения. Положительную рецензию на экранизацию повестей Куприна поместил в интернете писатель Владимир Оболенский (Оболенский 2014).

Несомненно, все эти экранизации переводят произведения классика в статус массового искусства. Но, с другой стороны, нельзя упрекнуть создателей фильмов в том, что экранизированные ими произведения Куприна стали банальными. Наоборот, они отлично передают дух эпохи, а также сохраняют идеи и настроения автора. Тем не менее перед литературоведом появляются новые задачи и необходимость расширения профессии и пересечения границ исследовательского пространства киноискусства.

Однако в данный момент перед нами возникает следующий, на наш взгляд более важный вопрос: почему сегодня Куприн оказывается писателем столь востребованным?¹ Возможно потому, что он принадлежал и принадлежит к авторам, занимающим особое место в поле русского культурного производства. Если говорить о парадигме соотношения жизни и творчества, то Куприн всегда стремился передать в художественном тексте стихию жизни и первоначала бытия. В этом плане тексты Куприна претендуют на особое осмысление и интерпретацию категории подражания жизни (*mimesis*) и, тем самым, на особое измерение и интерпретацию проблемы соотношения жизни и творчества. В его текстах воплотился богатейший и разнородный жизненный опыт, связанный как с повседневной жизнью, так и экстремальными ситуациями: дружба с балаклавскими рыбаками и участие в их опасном рыбацком промысле, погружение в «первобытную» полесскую природу и знакомство с полесскими жителями и их нравами, полёт на воздушном шаре, спуск на морское дно, увлечение корридой и цирком. Куприн был наездником в цирке, криминальным репортёром и профессиональным военным.

В контексте вышесказанного важной исследовательской проблемой становится соотношение художественного мира писателя с его биографической подосновой. Художественный мир Куприна необычайно богат и разнообразен, поэтому для литературоведа он составляет интересный и привлекательный исследовательский материал. В данном случае дело не в рыночном давлении (хотя и это имеет значение), а в особой творческой природе автора «Олеси», создавшего ряд пластических, живых образов и ситуаций в рамках разных региональных пространств (будь то юго-западное

¹ О популярности Куприна, возвращающейся к нему после 100 лет, свидетельствуют не только экранизации, но также и многочисленные издания его произведений, в том числе два совсем новых собрания сочинений: Куприн, Александр, *Полное собрание сочинений в 10 тт.* Т. 11, дополнительный. Москва: Воскресенье, 2006-2007 и Куприн, Александр, *Собрание сочинений в 9 тт.* Москва: Книжный клуб «Книговек», 2010. Куприну, его эпохе и идеям посвящена Интернет-Викторина, предлагающая 78 вопросов и столько же ответов. Несомненно, такого типа инициатива сыграет свою роль в популяризации творчества писателя, и хотя бы в небольшом масштабе возобновит интерес к чтению художественных произведений.

побережье Крыма, будь то Волынское Полесье, находящееся рядом с польским Подляшем). Для литературоведов, жизнь и профессия которых связаны с этими регионами, большой интерес могут представлять, например: цикл «Листригоны», рассказ «Лесная глушь» и повесть «Олеся». Эти тексты могут стать предметом исследования так называемой региональной геопозтики. Они могут также послужить предлогом для актуальных сегодня размышлений на тему соотношения цивилизации и природы, то есть экопозтики, не говоря уже о вечных образах и мотивах, осязаемой тургеневской традиции. Эта проблема перспективна для основательной научной рефлексии и выходит в более широкое пространство интертекстуальных связей Купринских текстов с другими текстами и другими видами искусства.

Следующим интересным аспектом творчества Куприна могут быть исследования, которые сосредоточиваются на интерпретации животного и растительного миров в литературном тексте. Художественный мир фауны Куприна чрезвычайно богатый: рыбы, птицы, бабочки, домашние и дикие животные («Листригоны», «Олеся», «На глухарей», «Изумруд», «Барбос и Жулька», «Белый пудель», «Пунцовая кровь», «Завирайка. Собачья душа», «Ю-ю» и др.). В том, что касается животных, в художественной стратегии Куприна можно выделить три типа отношений: во-первых, изображение животного ради его самого; во-вторых, изображение человека уподобляемого какому-то животному, по типу сравнения (птичье лицо; лицо похоже на свернувшегося клубком ежа; уши, оттопыренные как крылья летучей мыши; волоокая богиня); и, в-третьих – изображение очень сложных отношений человека к животному (они представлены в парадигме чувств сострадания, издевательства, использования, поедания). Стоит подчеркнуть, что у Куприна тема животных чаще всего вынесена в заглавие произведения (например: «Барбос и Жулька», «Белый пудель», «Изумруд», «Ю-ю», «Завирайка»...).

Очередную важную современную стратегию прочтения Куприна можно связать с потенциалом европейской герменевтики и рецептивной эстетики. Парадоксальным образом тексты Куприна могут быть блестящей иллюстрацией к некоторым теоретическим выводам Ганса Георга Гадамера из его статьи «Актуальность прекрасного» (Гадамер 1991).

Категория прекрасного в произведениях Куприна функционирует на нескольких уровнях; назовём два: 1) прекрасен человек и его тело; 2) прекрасен окружающий человека мир. Этим двум уровням прекрасного противостоит уровень безобразного (достаточно вспомнить фигуру Квашнина из повести «Молох»). Приведём цитату: «Квашнин почему-то медлил сходить вниз и стоял за стеклянной стеной, возвышаясь своей массивной фигурой над теснящейся около вагона группой, с широко расставленными ногами и брезгливой миной на лице, похожий на японского идола грубой работы» (Куприн 1957: 2, 42-43). А вот пример изображения мужской красоты матадора Виальты в рассказе «Пунцовая кровь»: «Он держался прямо, непринуждённо и со спокойным достоинством, его походка была уверенна, легка и красива, голова высоко поднята, и весь он был воплощением красоты мужского тела» (Куприн 1957: 5, 661).

Чрезвычайно интересной задачей для куприноведа было бы исследование соотношения категорий прекрасного и безобразного в поэтике художника. Уже приведённые выше цитаты подтверждают присущую Куприну эстетическую чуткость и позволяют заметить, что красота вызывает восторженное отношение повествователя к предмету изображения; о ней он говорит эксплицитно. О безобразном же говорится исключительно опосредованно, с применением эпитетов и сравнений, подчёркивающих уродливость одного из главных акционеров N-ской железной дороги.

Рассказ «Пунцовая кровь» поднимает актуальную и сегодня проблему корриды, которая имеет как своих противников, так и сторонников. Противники утверждают, что она сводится к истязанию животного на глазах тысячи зрителей, сторонники видят в этом зрелище силу, смелость и красоту человека и животного. Куприн отдавал себе отчёт в двойственности отношении к бою быков, но вместе с тем был поражён зрелищем, которое увидел на юге Франции, поражён красотой и человека и животного:

Виальта показал себя во всём блеске молодости, естественной грации и совершенного владения страшным искусством тавромахии. И бык, с которым суждено было сразиться этому голубому с золотом матадору, являл собой образец дикой красоты и свирепой мощи.

Он не вышел, а ворвался ураганом на сцену. Не дожидаясь вызова со стороны людей, он бросился на первую мелькнувшую ему в глаза, сверкающую золотом фигуру и погнался её вдоль барьера, но вдруг бросил её, круто повернулся вбок и помчался за пунцовым плащом. И с разбега внезапно остановился на самой середине амфитеатра, застыл неподвижно как великолепное изваяние из чёрного мрамора (Куприн 1957: 5, 660-661).

Куприн являет собой особый случай с точки зрения характерного для русской культуры XIX – XX века социального, интеллектуального, эстетического и духовного императива единства жизни и творчества, экзистенциальной цельности. Структура поля литературы, как и структура полей других видов искусства в этот переломный период истории и культуры России, период «Серебряного века», отмечалась наличием разных идейно-эстетических тенденций (Szymonik 2003: 61-67), поэтик и течений. Именно в этой сложной и динамичной структуре оказался Куприн.

Согласно Пьеру Бурдые «литературное поле представляет собой поле сил, воздействующих на всех вступающих в поле, по-разному в зависимости от занимаемой позиции (...). В то же время литературное поле является ещё и полем конкурентной борьбы, направленной на [с одной стороны] консервацию или [с другой] трансформацию этого поля сил» (Бурдые 2000). Феномен Куприна состоит в том, что в интеллектуальном и эстетическом плане он ратовал за «консервацию» (следовал таким писателям, как: Лев Толстой, Ги де Мопассан, Гюстав Флобер и др.), в социальном и духовном – боролся за «трансформацию» «поля сил». В 1905 году писатель создаёт ряд сатирических произведений – «О думе», «О конституции», «Механическое правосудие» и «Исполины». Сказки «О думе» и «О конституции» обличают провозглашённые царским манифестом фальшивые свободы. В «Механическом правосудии» и «Исполинах» высмеяны чиновник, мечтающий о «всероссийской порке», и «злостствующий педагог-реакционер» (Куприн 1957-1958, 4: 742). Куприн адресовал данные тексты не в последнюю очередь и участникам литературного поля, тем самым настаивая на том, что не-аполитичность (не-асоциальность) писателя является имманентным моментом того, что называем литературным полем/ символическим капиталом писателя. Тем самым Куприн оказывается близок не только социально- ангажированным «реалистам», но и авангарду.

Близость к последнему заключалась и в поисках новых способов решения взаимосвязанных вопросов жизни и творчества. Одной из важнейших особенностей авангарда является устремлённость в будущее и замороженность неограниченными возможностями человека, который способен переделать не только общество, но и всю Вселенную. Эти и тому подобные идеи волновали любознательного автора «Поединка». Они воплотились в фантастическом рассказе «Тост» (1906), с посвящением писателю Скитальцу (Степану Гавриловичу Петрову) и повести «Жидкое солнце» (1913), посвящённой Арсению Алексеичу Смирнову (Альвингу). В первом из названных произведений даётся картина счастливой жизни будущего общества, общества 2906 года. Во втором Куприн погружается в вопросы физики, математики, астрономии, механики. Речь идёт о накоплении и использовании для блага будущего человечества солнечных лучей. Главной идеей повести является доведение солнечных лучей, сначала до газообразного состояния, а затем – до жидкого. Стоит обратить внимание на то, что поднятые Куприным свыше 100 лет тому назад идеи находят отражение в достижениях современной отопительной техники (фотовольтаика).

Для подробного описания научных достижений выдающегося английского учёного – лорда Чальсбери – героя повести, Куприну понадобились сведения по физике и другим отраслям науки. Он обращается в письме к ближайшему другу – Фёдору Дмитриевичу Батюшкову, обладателю прекрасной библиотеки, с несколькими вопросами. Приведём некоторые из них: 1) какова температура солнца, 2) температура межпланетного пространства, 3) какую самую низкую температуру удалось получить лабораторным путём и какую ещё можно получить исходя из теории, 4) какие газы легче водорода были сгущены, в каком виде и как?, 5) какой материал самый огнестойкий – добытый уже искусственно и возможный теоретически? (Куприн 1957-1958: 4, 777). Тщательность Куприна можно рассматривать не только как пример совестного отношения писателя к «материалу» своего произведения и стремления писателя-«реалиста» к «правдоподобию».

Важная для куприноведения проблема коррелятивности (единства) жизни и творчества поднимается современным Куприну литературным критиком – Еленой Колтоновской, посвятившей Куприну статью, опубликованную в «Вестнике Европы», под знаменательным заглавием «Поэт жизни» (Колтоновская 1915: 1, 302-318). Автор статьи исследует связь Куприна с эпохой и изменениями в сфере/поле идеологии.

В советском куприноведении тема единства жизни и творчества тоже присутствует. Авторы монографий подчёркивают автобиографический характер многих произведений Куприна (Берков 1956). Вышедшее в 1957-1958 гг. шеститомное «Собрание сочинений Куприна» с «Примечаниями» составило благоприятный момент для освещения интересующей нас проблемы. Однако в силу того, что с точки зрения горизонта ожидания дореволюционного времени Куприн занимал позицию писателя-профессионала, его полипрофессиональность, важное измерение упомянутого единства, не стала первоочередной темой и в советское время (как не была и в досоветское). Факт и роль

полипрофессиональности писателя осознавались прежде всего в контексте критики развивающихся в России капиталистических отношений.

Весной 1896 года Куприн приезжает в качестве корреспондента киевских газет в Донецкий бассейн, знакомится там с работой крупных железодельных и рельсопрокатных заводов. Несколько месяцев работает на одном из них (Рельсопрокатный завод) заведующим учётом кузницы и столярной мастерской. Известно, что середина девяностых годов XIX века в России характеризуется лихорадочным промышленным строительством, безудержным ростом капиталистической хищнической эксплуатации, на которую рабочие отвечают массовыми волнениями, бунтами и стачками (Корецкая 1957: 2, 561).

Плодом Купринской поездки и освоения очередной профессии являются очерки «Рельсопрокатный завод» и «Юзовский завод», напечатанные в общественно-политической газете «Киевлянин». Вместе с тем вызывает и идея повести «Молох».

В 1897 году Куприн отправляется в Полесье, где выполняет различные профессии:

управляет имением в Ровенском уезде Волынской губернии, занимается разведением махорки и в то же время полюбозыствовал на время стать псаломщиком, увлекаясь церковнославянским языком, красотами Библии и кстати изучив довольно досконально всякого рода церковные требы (...). С увлечением отдаётся писатель охоте, целые дни проводит с местными крестьянами-охотниками среди полесских лесов и болот (Корецкая 1957: 2, 563).

Несмотря на отсутствие в куприноведении советского периода эксплицитного обсуждения факта полипрофессиональности Куприна и её коррелятивности с профессией литератора, эта тема имплицитно звучит в большинстве исследований творчества писателя. На основании перечисленных в начале нашей статьи монографий можно сделать вывод, что жизненная установка Куприна, направленная на изучение многочисленных (зачастую рискованных) профессий, говорит об императиве познания жизни во всех её проявлениях, о жизнелюбии писателя, о его большой любви к человеку и природе. Всё это тесно связано с *пониманием им* писательской профессии. В этом плане Куприн почти на 100% остаётся верен себе. Проблему императива единства жизни и творчества выдвинули на первый план также создатели фильмов о Куприне. Сами экранизации и многочисленные высказывания продюсера, актёров и зрителей по поводу выбора автора и тем, говорят о редчайшей погружённости писателя в стихию жизни. На наш взгляд, настоящая ситуация кризиса/девальвации литературы и литературоведения требует обращения к традиционной модели соотношения (единства) «жизни» и «творчества», которая способна этот кризис преодолеть.

С точки зрения соотношения «жизни» и «творчества» в институте писательства профессия писателя может сочетаться не столько с полипрофессиональностью (такое явление довольно редкое), но с какой-то одной профессией. Благодаря такому «марьяжу» писатель, обладая не только литературным талантом, но и основательными знаниями в определённой области/профессии, даже в кризисной ситуации увеличивает свои шансы противостоять неблагоприятным обстоятельствам и даже рассчитывать на скорую «экономическую возвращаемость», на «посмертное символическое признание», или на то и другое. Конечно в этой – по необходимости упрощённой модели – участвует ещё факторы специфики «социального пространства/поля» и «силовых отношений», о которых говорит Бурдые (Бурдые 2000).

Специфическое отношение Куприна к своей профессии (писателя), о котором шла речь в предыдущих абзацах, наверное делает некоторые режимы понимания его творчества более востребованными или уместными, чем другие: а именно те режимы, которые обнажают потенциально авторефлексивный характер гуманитарного познания.

Подводя итог, следует ещё раз подчеркнуть, что сегодня наблюдается возвращение читателю (и зрителю) русской классики. Этому способствуют многочисленные новые издания, а также художественные, документальные фильмы и телесериалы, темой которых становятся произведения, относительно легко переводимые на «язык» кино. Очень часто в основу одного фильма ложится несколько произведений, например в случае с Чеховым, Буниным, Куприным и др. Их творчество – настоящее спасение от пошлости массовой рыночной продукции и «непонятности» элитарной слишком герметичной литературы, в том числе постмодернистской.

Библиография:

Берг, Михаил. О статусе литературы // Дружба народов, 2000, № 7, б.паг.:

<http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/7/berg.html>

- Берков, Павел. А.И. Куприн. Москва – Ленинград: Изд. АН СССР, 1956.
- Бурдьё, Пьер. Поле литературы. 2000 (1982) // Социологическое пространство Пьера Бурдьё [Сайт; копирайт Юлии Марковой]: Статьи; б.паг.: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury>.
- Быков, Дмитрий. Александр Куприн // Дилетант, 2012, № 12, б.паг.: <http://ru-bykov.livejournal.com/1606602.html>
- [Б.авт.]. Викторина по жизни и творчеству Куприна // [Б.авт.]. Записная книжка школьного библиотекаря (Методика и практика библиотечной работы в школе), б.г., б.паг.: <http://bibnout.ru/viktorina-po-zhizni-i-tvorchestvu-a-i-kuprina/>
- Гадамэр, Ханс-Георг. Актуальность прекрасного. Москва: «Искусство», 1991.
- Грачев, Сергей. «Гранатовый» Куприн. Чего ждать от новой экранизации русской классики? // Аргументы и факты, 29 мая 2014, б. п. <http://www.aif.ru/culture/movie/1179133>
- Гудков Лев, Дубин, Борис. Литература как социальный институт. Москва: Новое литературное обозрение, 1994.
- Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs новые возможности. Отв. ред. Наталья Ковтун. Москва: Флинта; Наука, 2014.
- Куприн, Александр. Собрание сочинений в шести томах. Москва: ГИХЛ, 1957-1958.
- Куприн, Александр. Хроника событий, глазами белого офицера, писателя, журналиста: 1919 – 1934. Москва: Собрание, 2006.
- Личность и творчество А.И. Куприна в контексте русской культуры XX – XXI веков. Материалы всероссийской научной конференции. Под общей ред. Геннадия Горланова. Пенза: [Б.изд.], 2013.
- Михайлов, Олег. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Москва: Наука, 1973, т. 84, кн.1, с.8.
- Оболенский, Владимир. Фильм «Яма» Куприна. Рецензия. 15 июня 2015 // Афиша mail.ru: Серии: Куприн. Яма: Рецензии: https://afisha.mail.ru/series_831169_kuprin_yama/#review
- Franczak, Jerzy. Od determinacji do dystynkcji. Przemiany socjologii literatury // Wielość, № 7-8, 2010, s.85-96.
- Szymonik, Danuta. Dialog literackich tendencji estetyczno-ideowych w paradygmacie kultury rosyjskiej Srebrnego wieku // Dialog w literaturach i językach słowiańskich. T.1. Literaturoznawstwo, pod redakcją Wandy Laszczak i Aleksandry Wieczorek. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 2003, s. 61-68.